

Свет фар оказался слишком ярким. Машина давно скрылась из виду, а перед глазами Хо Цианя всё ещё плыли слепые черные пятна.

Он часто-часто заморгал, пытаясь смахнуть выступившие от резкого света слёзы. Намокшие ресницы слиплись.

Не помогло. Спустя секунду Хо Циань бессильно закрыл лицо ладонью, пряча искажившую рот судорогу боли.

— Брат... — еле слышно прошептал он.

«Мы ведь одна семья. Почему всё так?..»

Узнай Хо Фэн, о чём сейчас думает младший брат, он наверняка лишь презрительно фыркнул бы в ответ.

В семьях с двумя детьми родители, как бы ни старались делить любовь поровну, неизбежно где-то допускают промах. Но в случае с близнецами Хо всё с самого начала пошло наперекосяк. Хо Циань родился слабым, недоношенным. Разница между братьями обозначилась в первую же секунду жизни: пока здоровый, крепкий первенец оглашал палату требовательным криком, младший едва слышно пищал, точно крохотный слепой котенок. Потом потянулись бесконечные недели на грани жизни и смерти. Лишь благодаря колоссальным возможностям семьи Хо, лучшим врачам страны и баснословным деньгам мальчика буквально вытащили с того света.

Выстраданное, едва уцелевшее дитя окружили слепой, удушающей заботой. Родительские чаяния отразились даже в имени — Циань, «молитва о покое». От младшего сына требовалось лишь одно: жить, не болеть и оставаться в безопасности. Старшему же, Хо Фэну, как более сильному и выносливому, автоматически уготовили участь преемника. Отец с ранних лет держал его при себе, сурово и методично выковывая из него будущего главу корпорации.

Если бы дело ограничилось обычным разделением ролей, братья со временем свыклись бы с этим. Детские обиды на разное отношение стёрлись бы, уступив место взрослому пониманию мотивов отца и матери. Между ними могла остаться лёгкая холодность, но до открытой вражды дело бы точно не дошло.

Однако беда грянула внезапно. Когда братьям едва перевалило за десять, их похитили.

Хо Циань в ту пору всё ещё оставался болезненным подростком, не расстающимся с датчиками жизнеобеспечения. Стоило ему потерять сознание во время захвата, как на пульт родителей пришёл тревожный сигнал. Поднялась паника, начались лихорадочные поиски. Чего стоили эти двое суток чете Хо — не описать словами. На исходе второго дня похитители вернули младшего целым и невредимым: ни единой царапины, но без сознания. Он дышал так слабо, что испуганная мать едва уловила биение жизни в его груди.

Ещё сутки у дверей реанимации превратились для них в сущий ад, пока врачи наконец не стабилизировали состояние мальчика. Едва придя в себя, Хо Циань прошептал пересохшими губами:

— А где брат?.. Он вернулся?

В этот миг мир для родителей рухнул. Только тогда они осознали чудовищную правду: похитили обоих мальчиков. И старший, Хо Фэн, бесследно пропадал уже третьи сутки.

Хо Фэн рос слишком одарённым, слишком самостоятельным. В свои неполные четырнадцать он уже управлял парой дочерних фирм, которые отец выделил ему «для тренировки». На фоне капризного, вечно больного младшего брата он выглядел взрослым, зрелым человеком, с которым можно было говорить на равных. Родители, гордясь его не по годам развитым умом, предоставляли ему полную свободу, не утомляя излишней опекой.

Он никогда не доставлял хлопот. И когда грянул гром, измученные страхом за младшего родители подсознательно решили: Хо Фэн в порядке. Он сильный, он справится, он затаился и ждёт, стараясь не обременять отца с матерью лишними заботами. Эта слепая вера и абсолютное доверие обернулись смертельной ловушкой.

В памяти родителей со свистом пронесли их собственные переговоры с преступниками, где они раз за разом истоптанно умоляли: «Верните нам Цианя! Только верните Цианя!» И самое страшное — получив младшего, они целые сутки вообще не выходили на связь с похитителями, игнорируя любые каналы...

Осознав, к какому кошмару привело их упущение, измождённая мать, не спавшая трое суток, рухнула без чувств. У отца тоже потемнело в глазах, в ушах зазвенело, но он, стиснув зубы, продолжил поиски.

Дни тянулись бесконечной чередой. Младший метался в лихорадке на больничной койке, старший словно сквозь землю провалился. И когда отец уже готов был сдаться под гнѐтом леденящего отчаяния, Хо Фэн вернулся сам.

Он пришѐл пешком, израненный, покрытый запѣкшейся кровью и синяками. И не проронил ни слова о том, что пережил за эти дни.

Никто так и не узнал, через какой ад ему пришлось пройти. Но с того дня стена между ним и семьѐй крепла с каждым часом. И это было закономерно: в глазах Хо Фэна его просто выбросили, променяли на брата.

Родители пытались найти оправдания, но нужные слова застревали в горле. Как признаться собственному ребёнку, что они настолько ослепли от страха за одного сына, что даже не заметили исчезновения второго? И длилось это трое суток!

Раздираемые чувством вины, отец с матерью бросились задаривать старшего, потакая любой его прихоти. Но разбитую чашку склеить не удалось. Хо Фэн рос отстранённым, холодным и чужим. Родители надеялись, что время сгладит углы, а если и нет — они были готовы терпеть его неприязнь до конца своих дней. Однако реальность оказалась куда суровее их робких ожиданий.

Началось всё с того, что отец решил распределить акции между повзрослевшими братьями. Хо Фэн к тому времени уже всюду ворочал делами в корпорации, тогда как Хо Циань даже близко не подходил к семейному бизнесу. Предполагалось, что младший никогда не полезет в управление — будет просто жить на дивиденды. Но на следующий же день после того, как проект распределения долей лёг на стол, ещё до подписания официальных бумаг, Хо Фэн поднял бунт. Заручившись поддержкой совета директоров, он хладнокровно сместил отца с поста главы компании.

Поверженный глава семейства ошеломлённо смотрел на старшего сына, сидевшего напротив с каменным лицом.

Логика Хо Фэна была убийственно проста: раз родители целиком и полностью принадлежат Хо Цианю, то вся корпорация Хо должна принадлежать ему. И делиться с братом он не намерен.

Глядя на потрясённого отца, Хо Фэн лишь равнодушно спросил:

— Я ведь не отбираю у него то, что принадлежит ему. Почему вы решили, что я отдам своё?

Скрытый смысл этих слов заставил отца побледнеть. Старший сын больше не считал их своей семьёй. Они были родителями Хо Цианя — и только.

Только тогда супруги Хо с ужасом осознали: пережитый в детстве кошмар оставил не просто трещину. Между ними выросла глухая, разбитая вдребезги стеклянная стена. Любая попытка собрать осколки обречена на провал — ты лишь изрежешь руки в кровь.

На самом деле Хо Фэн тогда сильно рисковал. Несмотря на хватку и острый ум, он был слишком молод, что могло обернуться против него. Старая гвардия предпочитала иметь дело с опытным патриархом. Захоти отец вернуть власть, его связей и авторитета с лихвой хватило бы, чтобы растоптать зарвавшегося юнца. Но он не стал бороться. Он просто опустил руки.

Отец заперся в своём кабинете и просидел там всю ночь. А когда утром переступил порог, казалось, будто он постарел на десяток лет.

Цзянь Иян не слышал разговора в гараже, но без труда догадался, что на работе у Хо Фэна случилось что-то скверное.

Тот вернулся взвинченный до предела и, даже не потрудившись подняться в спальню, набросился на него прямо в гостиной, повалив на диван.

Вышвырнутый в виртуальное небытие режимом защитной блокировки Цзянь Иян только и успел мысленно выругаться:

«Эй, какого хрена?! Без прелюдий?! Сразу к делу?!»

В стерильном сиянии ментального пространства ошарашенный Цзянь Иян пару секунд тупо созерцал парящий перед ним светящийся клубок Системы. Потерев лицо ладонями, он привычно вздохнул:

— Ну что, Системка, запускай игрушку.

Один раунд сменялся другим. Под конец Иян окончательно заскучал (и вовсе не потому, что слил катку из-за кривых рук!), так что заставил Систему включить какой-то фильм. И только когда по экрану поползли финальные титры, «снаружи» наконец всё стихло.

Цзянь Иян тоскливо вздохнул.

Возвращаться в реальный мир не хотелось совершенно.

И дёрнул же его чёрт в своё время, по глупости и неопытности, выбрать режим защитной блокировки класса А! Теперь получалось ни богу свечка, ни чёрту кочерга: удовольствия — ровным счётом ноль, зато все физические последствия «марафона» огребай по полной программе. Настройки блокировки намертво привязывались к аккаунту, и изменить их можно было только с повышением ранга сотрудника Бюро. Цзянь Иян пахал как проклятый на этих миссиях в том числе и ради того, чтобы поскорее открыть доступ к новым настройкам личного кабинета.

Светлое будущее манило заманчивыми перспективами, но суровая реальность безжалостно была по почкам. Судя по тому, сколько времени прошло, Ияну сейчас предстояло испытать на себе все прелести разбитого тела.

Он соорудил жалобную мину:

— Системка, миленькая...

Дай хоть немного в себя прийти. Позволь отлежаться здесь, пока тело там спит.

Однако Система осталась верна своей бездушной природе. Без лишних слов она просто дала ему пинка под зад, вышвыривая обратно в физическую оболочку.

Чувства лавиной обрушились на сознание. Лицо Ияна исказилось от боли, но в этот момент его лба коснулся невесомый, ласковый поцелуй.

Подобная нежность легко могла ввести в заблуждение, заставив поверить, будто мужчина рядом с ним преисполнен заботы.

Но иллюзии оставались иллюзиями. Даже если Хо Фэн и умел быть нежным, то приберегал это сокровище исключительно для своего «белого лотоса». А ему, жалкому дублёру, не полагалось и крох.

Иян приоткрыл веки, встречаясь взглядом с Хо Фэном. На его глазах лицо грозного президента стремительно утратило остатки тепла, превратившись в ледяную маску.

Такое случалось уже не впервой. Цзянь Иян подозревал, что их глаза с тем самым «оригиналом» различались сильнее всего.

Странно другое: в прошлый раз, когда они шли по сюжетной ветке, Хо Фэн не обращал на это внимания. Но теперь, на «втором круге», его словно заклинило на этой детали. Может, разжившись миллиардами и укрепив власть, великий босс поднял планку ожиданий даже для постельного суррогата?

Размышления Цзянь Ияна оборвались, когда чужая ладонь опустилась ему на лицо, лишая зрения. В нахлынувшей темноте его накрыло знакомым тяжёлым дыханием. На сей раз это был не мимолётный поцелуй, а свирепый, удушающий напор — Хо Фэн целовал его так, словно хотел сожрать целиком.

Разумеется, через минуту Цзянь Ияна снова выкинуло в безопасный «черный ящик» Системы.

Оказавшись перед парящим светящимся шаром во второй раз за вечер, он лишь развёл руками и хмыкнул:

— Ну вот, а я о чём говорил? Надо было сразу меня здесь оставить. Только время зря тратим на эти перебежки.

Система промолчала, выражая глубокое электронное презрение.

Когда буря наконец улеглась, Хо Фэн прижал юношу спиной к своей груди. Его пальцы по-прежнему плотно закрывали глаза Цзянь Ияна, словно мужчина панически боялся встретиться с ним взглядом.

Он терпеть не мог, когда Иян смотрел на него в упор.

Вне моментов слепой страсти в этих глазах никогда не было настоящей глубины. Как бы преданно Иян ни заглядывал ему в лицо, какими бы нежными ни казались его жесты, на самом дне его зрачков всегда сквозила леденящая, абсолютная трезвость. Эта зеркальная гладь безжалостно отражала всю глубину безумия самого Хо Фэна, безмолвно напоминая: в этой игре проиграл только он один. А этот мальчишка лишь играет роль и в любой момент может бесследно исчезнуть.

Рука, обнимавшая Ияна за талию, судорожно сжалась. Лицо Хо Фэна исказилось от бессильной ярости.

«Этому не бывать. Я не проиграю. Слышишь? Ни за что!»

<http://bllate.org/book/18326/1759925>